

Татьяна Иванова

Борис Николаевич Путилов: начало пути

16 октября 2007 г. минуло уже десять лет, как нет с нами выдающегося фольклориста и этнографа второй половины XX в. Бориса Николаевича Путилова. В это трудно поверить, потому что после кончины ученого одна за другой выходят его книги — «Древняя Русь в лицах» (1999), «Экскурсы в теорию и историю славянского эпоса» (1999), «Петр Великий в преданиях, легендах, анекдотах, сказках, песнях» (2000), «Фольклор и народная культура. In memoriam» (2003), «Теоретические проблемы современной фольклористики: Курс лекций для студентов музыкально-этнографического отделения Санкт-Петербургской государственной консерватории (1995–1996 годы)» (2006) — которые оказывают весомое влияние на развитие отечественной мысли о традиционной культуре, и поэтому кажется, что Борис Николаевич по-прежнему рядом с нами.

После Б.Н. Путилова остался огромный архив, который в 1999 г. Евгения Оскаровна

Татьяна Григорьевна
Иванова

Институт русской литературы
/Пушкинский дом/ РАН,
Санкт-Петербург

Путилова, вдова исследователя, передала в Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН. В настоящее время архив (ф. 848) находится в обработке, по окончании которой он, по-видимому, будет насчитывать свыше 2000 единиц хранения: это труды исследователя, обширная эпистолярная, материалы к биографии и по деятельности. По разобранному архивным материалам нам представляется возможным обратиться к началу пути ученого в науке.

В своей автобиографии, хранящейся в личном фонде, Б.Н. Путилов писал: «Я родился 14 сентября 1919 г. в станице Солдатской: ныне она входит в состав Кабардино-Балкарской АССР, а в прежние времена была в составе Области войска Донского. Родители мои тогда были сельскими учителями, интеллигентами в первом поколении. Отец — выходец из семьи каспийских рыбаков. Девятилетним мальчиком я единственный раз побывал в его родном селе Черный Рынок, выходил с рыбаками в море [Каспийское. — *Т.И.*], видел, как при мне поймали огромного осетра и извлекли из него икру, слушал песни, и все это запомнил на всю жизнь»¹.

В архиве Б.Н. Путилова имеется небольшой комплекс личных документов его отца — аттестаты, выписки из метрической книги, удостоверения. Они позволяют чуть более подробно сказать о семье будущего фольклориста. Николай Федорович Путилов родился 20 апреля (по ст. ст.) 1888 г. в с. Черный Рынок. Его родители, Федор Андреевич и Пелагея Матвеевна, согласно сословному делению общества того времени, были крестьянами. 5 июня 1904 г. он получил аттестат об окончании курса в Моздокском городском шестиклассном училище, причем в аттестате значились только отличные оценки. В дальнейшем началась его трудовая деятельность в качестве учителя в школах различных станиц. Н.Ф. Путилов все время стремился повышать свой образовательный уровень. Сохранились, например, его аттестат от 23 мая 1915 г. об окончании Московских курсов коммерческого самообразования С.Я. Либиэнталя, удостоверение от 3 июня 1926 г. о прохождении двухмесячных курсов методистов сельских школ I ступени в Москве, удостоверение от 24 июня 1941 г. о том, что он прослушал курс лекций по факультету истории Грозненского воскресно-вечернего университета марксизма-ленинизма. Скончался Н.Ф. Путилов 17 июня 1955 г. в Грозном.

О своей матери Б.Н. Путилов в автобиографии писал: «Мать — терская казачка. У меня хранится большая фотография 1911—12 г.: в центре — мой дедушка, в казачьем бешмете, с газырями,

¹ Ср. с опубликованным вариантом автобиографии: [Путилов 1998].

в громадной барашковой шапке, рядом — его сыновья, дочери, снохи, зятья, многочисленные внуки. И тоже — воспоминания о казачьих песнях, которые я слышал и в станице и которые прекрасно пели моя мама и тетя». Анастасия Дмитриевна Путилова, урожденная Сыпченко, родилась в 1891 г. Ее отец был приказным¹. 30 мая 1908 г. она закончила, также только с отличными оценками, Моздокское Александровское двухклассное женское училище; затем, в 1912 г., экстерном — педагогические курсы. 15 апреля 1912 г. в Иоанно-Крестительской церкви станицы Терской был заключен брак учителя Терского станичного училища Н.Ф. Путилова и девицы А.Д. Сыпченко. Через три года, как свидетельствуют документы, 20 января 1915 г. А.Д. Путилова была назначена учительницей Новоспасского сельского училища. В советское время она, как и ее муж, постоянно училась. 31 июля 1940 г. ей был выдан диплом об окончании (заочно) полного курса по географическому факультету Северо-Осетинского государственного педагогического института им. Коста Хетагурова. С 1 сентября 1932 г. А.Д. Путилова работала учителем географии в средней школе № 1 Октябрьского района г. Грозный Чечено-Ингушской АССР; 21 августа 1943 г. она назначена директором школы № 9; 25 августа 1953 г. оставила должность директора, но продолжала работать учителем; 1 октября 1956 г. ушла на пенсию. Скончалась А.Д. Путилова 25 марта 1963 г.

Как видим, биографии родителей Б.Н. Путилова типичны для людей, ставших интеллигентами в первом поколении в период мощного идеологического слома, произошедшего в России в начале XX в. Ученый писал: «Мне очень повезло на родителей: никогда не ощущал я насилия, давления с их стороны, они предоставили полную свободу моей духовной жизни, как могли — способствовали моему самоопределению и сами давали мне пример нравственной нормы в поведении, честного отношения к делу, верности слову, полного отсутствия суетности» [Путилов 1998: 5].

После нескольких переездов из одной станицы в другую (станицы Прохладная, Слепшовская, чеченский аул Асланбековский) семья в 1932 г. переехала в Грозный, где в 1936 г. Б.Н. Путилов закончил школу. Тогда же он поступил в Ленинградский педагогический институт им. А.И. Герцена. В пединститут будущею фольклориста привело желание получить литературное образование. Он мечтал стать писателем. Но постепенно под влиянием лекций Б.Н. Путилов увлекся литературой как методом научного изучения. Вузовским учителем ученого стал

¹ «Приказной — звание, соответствующее ефрейторскому, для казаков лучшего поведения, исправных и расторопных» (см.: [Энциклопедия 1893: 174]).

Сергей Александрович Адрианов. В предоктябрьские годы С.А. Адрианов активно сотрудничал со знаменитым «Русским биографическим словарем», много сил как редактор отдал другому изданию — «Русской энциклопедии», одиннадцать томов которой были изданы в 1911–1915 гг. [Профессора 2000: 16]¹. «Это был замечательный человек, настоящий петербуржец, в прошлом — либеральный деятель, блестящий журналист», — такую оценку дает ему Б.Н. Путилов.

Под руководством С.А. Адрианова на втором курсе Б.Н. Путилов написал работу о журналах М.Д. Чулкова «И то и се» и «Парнасский щепетильник». Это сочинение, высоко оцененное в рамках конкурса студенческих работ, в 1940 г. было напечатано в «Ученых записках» Института [Путилов 1940]. Начинаящий филолог рискнул вступить в спор с непререкаемым для того времени авторитетом — с Н.А. Добролюбовым, который недооценил значение этих журналов в культурной жизни России XVIII в. По мнению Б.Н. Путилова, чулковские «журналы являются свидетельством роста самосознания русского общества, который проявлялся в самых различных формах, от распространения карикатур до участия в Пугачевском восстании» [Там же: 90]. От этой статьи ученый вел счет своим научным трудам. Укажем, кстати, что студенческая работа была в свое время высоко оценена таким знатоком литературы XVIII в., как П.Н. Берков. В 1948 г., выступая в Пушкинском Доме на диспуте во время защиты Б.Н. Путиловым кандидатской диссертации, он сказал: «Когда я работал над историей журналистики, мне попала статья Бориса Николаевича. Получив номер журнала, я считал, что ничего нового от студента ждать нельзя и что это будет только пережевывание старого материала. Я был приятно разочарован»². В своей автобиографии Б.Н. Путилов сообщает, что в студенческие годы он написал еще одно исследование — о Ваньке Каине, но этот труд, переданный С.А. Адрианову, по-видимому, погиб вместе с последним во время ленинградской блокады.

К фольклору Б.Н. Путилов, с детства погруженный в стихию казачьей песни, пришел закономерно и одновременно случайно. В цитируемой автобиографии он отмечал: «Уже на IV курсе наш деканат вспомнил, что нам не прочитали курс русского фольклора. Пробел этот было суждено заполнить проф. Николаю Петровичу Андрееву. С первых же лекций он покорила меня и предмет его лекций захватил меня полностью. До этого

¹ Во времена учебы Б.Н. Путилова в пединституте преподавали также И.И. Толстой, С.С. Мокульский, И.П. Еремин, А.И. Гвоздев и другие видные ученые.

² См. в архивном фонде Б.Н. Путилова протокол заседания Ученого Совета Института литературы АН СССР (именно таково название Пушкинского дома на конец 1940-х гг.) от 20 октября 1948 г.

фольклор я любил и воспринимал чисто эстетически — Н.П. открыл мне научные горизонты, с ним связанные. Я понял, что именно фольклор — моя область, сюда я должен направить свои силы. Но... было уже поздно, я сдал экзамен, вскоре — и государственный, и кончил Институт». Досадная ошибка деканата, не сумевшего вовремя обеспечить курс фольклора для студентов, определила то, что известный фольклорист, специалист по сказке Н.П. Андреев (1892–1942) не стал для будущего выдающегося исследователя народной поэзии Б.Н. Путилова учителем в подлинном смысле этого слова. Однако именно он открыл для Б.Н. Путилова «научные горизонты» в области фольклора.

После окончания Ленинградского педагогического института в 1940 г. Б.Н. Путилов был направлен на работу преподавателем в Ленинградское военное училище НКВД, расположенное в г. Сортавала Карело-Финской ССР. В июне 1941 г., с началом Великой Отечественной войны, он был уволен. В армию Б.Н. Путилов не был взят по состоянию здоровья. В июле-августе 1941 г. он жил в Волхове, где находилась семья его первой жены, работал в районной газете «Сталинский путь». При приближении фронта к Волхову в сентябре 1941 г. Б.Н. Путилову пришлось эвакуироваться в Ивановскую область, где он до июня 1942 г. учительствовал в школе с. Ратислово. Затем он выехал в родной для него Грозный. Здесь с августа будущий ученый начал работать в областном радиокомитете. Когда осенью немецкие войска вторглись на Кавказ, он, как и многие другие жители города, был направлен на строительство оборонительных рубежей Грозного.

Фашисты, напомним, были остановлены на дальних подступах к городу. Уже в январе 1943 г. вся территория Чечено-Ингушетии была освобождена от захватчиков. В феврале, после разгрома гитлеровцев под Сталинградом, из эвакуации в Грозный был возвращен местный педагогический институт. Преподавательских кадров здесь не хватало, это и решило судьбу Б.Н. Путилова: он был приглашен, как сам пишет, «довольно-таки случайно» на кафедру литературы. В качестве институтского преподавателя Б.Н. Путилову, как однажды он мне рассказывал, пришлось участвовать в трагических событиях выселения чеченцев с их исконных земель. В начале 1944 г., когда в течение нескольких дней чеченцы были изгнаны из своих домов и вывезены в Казахстан, на разоренных подворьях остался некормленный и недоенный скот. Тогда-то власти и направили в опустевшие аулы студентов Грозненского пединститута, которые должны были ухаживать за скотиной. Одну из подобных групп возглавлял Б.Н. Путилов.

В «Ученых записках» Грозненского педагогического института во второй половине 1940-х гг. появилась целая серия трудов молодого ученого. Первой была статья 1945 г. «О роли национально-государственного фактора в развитии древней русской литературы». Эта работа, выросшая, вероятно, в ходе лекций, прочитанных для студентов, была необычайно созвучна своему времени. В стране, только что вышедшей победительницей в страшной, кровавой войне, думающая творческая интеллигенция стремилась осознать свое место в государственной жизни России. Б.Н. Путилов, обращаясь к истории, писал: «В течение шести столетий выкристаллизовывались в русской литературе ее лучшие, характернейшие качества: героико-патриотическое звучание, вдумчивый интерес к истории, яркая публицистичность, связь с поэзией народных масс. Одушевленные пафосом национально-государственного служения, писатели наши постоянно ощущали неразрывную связь своей деятельности с нуждами Русской земли, вне этой связи они не видели цели своего творчества» [Путилов 1945б: 109].

Среди прочих курсов Б.Н. Путилову было поручено читать лекции по русскому фольклору. «Здесь-то мне и пригодилась школа Н.П. Андреева, — писал ученый в автобиографии, — и, собственно, только тогда я осознал значение его в фольклористике. Н.П. Андреев был горячим сторонником исторического изучения фольклора, он первым разработал периодизацию истории русского фольклора, соотнес с выделенными периодами историю жанров. Можно сказать, что идею историзма я усвоил именно от него, в его трактовке. Правда, позднее я увидел недостатки его теории, но тогда я стремился следовать ему».

Летом 1945 г. Б.Н. Путилов организовал сорокадневную фольклорную экспедицию в станицы гребенских казаков — в Старошедринскую, Старогладковскую и Червлёную. Это событие стало решающим в становлении ученого как фольклориста. Ему и студентам удалось записать около 250 песен разных жанров (былевые, исторические, походные, лирические и пр.). Собранный материал сразу же стал предметом научного осмысления для начинающего фольклориста: ряд статей под общим заглавием «Гребенские казаки и их песни» был опубликован в газете «Грозненский рабочий» [Путилов 1945а]; в институтских «Ученых записках» вышла объемная статья «Песни гребенского казачества» [Путилов 1946]. Очень оперативно, уже в 1946 г., был подготовлен к печати сборник текстов «Песни гребенских казаков» [1946], открывавшийся статьей, во многом повторявшей вариант, опубликованный в «Ученых записках».

В статьях, сопровождавших появление сборника, Б.Н. Путилов удивительно точно сумел наметить основные проблемы,

связанные с изучением песенной культуры местного казачества. Прежде всего он остановился на вопросе о происхождении гребенских казаков. Б.Н. Путилов, вслед за своими предшественниками, считал, что гребенские казаки — первые русские поселенцы на Северном Кавказе — появились здесь в XVI в. из южных окраин бывшего Рязанского княжества. Они спустились вниз по Дону, у излучины реки перебрались на Волгу, далее по Волге их путь лежал на Каспий, а затем через Каспийское море к устью Терека. По Тереку казаки поднялись к южным скатам — гребням гор, где они и основали свои поселения. В XVII в. гребенские казаки были оттеснены чеченскими племенами на левый берег Терека, где в 1710 г. они образовали своими станицами Кавказскую линию. Для Б.Н. Путилова было важно поставить вопрос о соотношении песенной традиции гребенского казачества с традициями других групп казаков (терские, донские, уральские и др.), а также с общерусской традицией в целом.

Естественным становится вопрос о характеристике местного репертуара. Ученый останавливается на казачьих былинах, несколько вариантов которых ему удалось записать. В статьях специально подчеркивается их отличие от северно-русского эпоса: сжатость сюжета, экспрессивность действия, малая роль в их поэтике «общих мест» и отсутствие приема троекратного повторения, и самое главное — ярко выраженные лирические тенденции, сближающие местные былины с балладой и лирической песней. В описании исторических песен Б.Н. Путилов пытается проследить развитие жанра от XVI в. до конца XIX в. и отмечает, что историческая песня идет по пути явной ассимиляции с другими поэтическими жанрами.

В разговоре о лирических песнях фольклорист ставит проблему их классификации. Ученый предлагает свою, пусть и весьма спорную, классификацию: песни протяжные (распевные); медленные (без ярко выраженной распевности); маршевые (в основном с военно-бытовой тематикой); быстрые (шутливые и юмористические). Дается и характеристика основных песенных тем: прощание казака с семьей, молодецкое удальство, гибель казака вдали от дома и т.д. Имеется и анализ некоторых поэтических особенностей песен, в частности, возникающей в них рифмы.

В статьях Б.Н. Путилова есть немало интересных наблюдений над состоянием фольклорной традиции гребенских казаков в момент работы его экспедиции. Так, собирателем отмечается, что в обследованных станицах практически отсутствует частушка. Календарный фольклор, в силу того, что изначально основой хозяйственной жизни казаков было рыболовство и

виноградарство, занимает здесь очень малое место. Традиция свадебных причитаний ввиду относительной свободы для женщин не развита. Весьма любопытны свидетельства собирателя о том, что в разговоре казаков постоянно, в виде цитат и образов, встречаются песенные реминисценции. Отмечает исследователь и актуализацию многих песенных тем в исторических обстоятельствах Великой Отечественной войны.

Следует отметить, что уже в самых первых статьях по фольклору Б.Н. Путилов пытается ставить масштабные задачи в изучении русской устной словесности. Например, он сравнивает южно-русскую и северно-русскую песенные традиции. Русский Север, оторванный от основных центров России, по его мнению, в какой-то момент застывает в своем развитии, что приводит к консервации фольклорной традиции. Север становится хранителем поэтического эпоса — былин, которые влияют и на исторические песни, и даже на лирический по своей сути жанр причитаний. Фольклорная традиция юга России, втянутого в бурные исторические события, напротив, отличается динамикой процессов, происходящих в устной поэзии, ярко выраженной социальной проблематикой и лирическим началом, пронизывающим все жанры.

Б.Н. Путилов пытается внести в свое издание казачьих песен немало новаторских черт, пусть не во всем удачных, но свидетельствующих о научных поисках молодого фольклориста. Ученый вступал в науку в то время, когда отечественная фольклористика уже давно и прочно поставила в центре своего внимания фигуру исполнителя. Со времен А.Ф. Гильфердинга материал былинщиков, а затем и сказочников организовывался «по сказителям». Б.Н. Путилов этот же принцип применяет в построении своего сборника. В издании представлено творчество 13-ти песенников. Репертуар каждого из них разворачивается от эпики к лирике. Правда, в книге почему-то отсутствуют традиционные в таком случае биографические справки исполнителей. Скорее всего это просчет начинающего собирателя фольклора, вовремя в экспедиционных условиях не зафиксировавшего биографии информантов. В рецензии Э.В. Померанцевой на сборник «Песни гребенских казаков» этот просчет будет поставлен издателю в вину.

Другая особенность сборника заключается в текстологических принципах. Б.Н. Путилов в тогдашних условиях экспедиционной работы не мог обеспечить собранный материал нотными расшифровками, но, прекрасно зная казачью песню с детства и в немалой степени являясь носителем традиции, он, естественно, понимал необходимость как-то отразить музыкальные особенности гребенских песен. Распевность собиратель решил

изобразить с помощью повторяющихся гласных («У-уш ты, ба-атюшка, да уж ты, ба-а-атюшка...»). Этот прием также вызвал возражение рецензентов, и впоследствии сам ученый нередко иронически оценивал эту сторону своего первого редакционно-издательского опыта.

В 1947 г. в «Ученых записках» Грозненского пединститута была опубликована статья Б.Н. Путилова по истории собирания фольклора, и в частности былин на Тереке [Путилов 1947]. Она поражает библиографической грамотностью и источниковедческой подкованностью автора, работавшего в провинциальном Грозном. Ученый пишет о кавказских этнографических реминисценциях в художественном творчестве А.И. Полежаева, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого; дает обзор публикаций в дореволюционных газетах «Кавказ» и «Терские ведомости»; анализирует работы главы «исторической школы» В.Ф. Миллера, в которых тот касается южно-русских былин; специально останавливается на трудах местных краеведов (Ф.С. Панкратова, М. Карпинского, С. Фарфоровского и др.). Библиографические разыскания по терской былине в конце работы сведены в емкую и весьма информативную таблицу, в которой называются сюжет, место и время записи, собиратель, первая публикация и перепечатки текста. Уже в этой статье исследователь поднимает проблему скрытых перепечаток, которые, как известно, имели место в сборниках южно-русского фольклора¹.

В 1948 г. в Грозном публикуется еще одна статья Б.Н. Путилова, посвященная местной фольклорной традиции — «Основные задачи собирания и изучения фольклора Грозненской области» [Путилов 1948]. Весьма характерно для времени, когда писалась эта статья, деление тогдашнего населения Грозненской области (именно так после депортации чеченцев стала называться бывшая Чечено-Ингушская АССР) на отдельные группы: казачьи поселения на реках Терек и Сунжа; старорусские (не казачьи) поселения в районе к северу и востоку от Кизляра; русские поселения 1944 г. в южных предгорных и горных районах; отдельные поселения ногайцев и туркмен. Чеченские аулы, уничтоженные сталинским режимом, не называются. Относительно разных групп русского населения Б.Н. Путилов соответственно ставит разные задачи в области собирания и изучения русского фольклора. По поводу русских поселенцев 1944 г., прибывших из разных местностей России, в частности, говорится: «Изучение такого „вторичного“ становления фольклора весьма заманчиво и представляет большой научный интерес» [Там же: 69]. Задачи собирания казачьей устной на-

¹ См. более поздние труды Б.Н. Путилова, где он касается проблемы скрытых перепечаток: [Путилов 1961б; Путилов 1961а].

родной поэзии ученый видел во включении в поле внимания фольклористов станиц, в которых собиратели еще никогда не работали; в организации экспедиций по следам предшественников; в фиксации поздних жанров (частушки, песни советского времени); в поиске выдающихся певцов; в особом внимании к календарной и свадебной поэзии. В завершение статьи исследователь дает фундаментальный библиографический список трудов, посвященных терскому казачьему фольклору.

В том же 1948 г. Б.Н. Путилов выпускает свою вторую книгу — «Исторические песни на Тереке» [1948]. В основу ее лег не экспедиционный материал, а дореволюционные записи собирателей, работавших на Северном Кавказе (Ф.С. Панкратова, М. Карпинского и др.). Антология была посвящена традиции не только гребенского казачества, но всех терских казаков. Во вступительной статье Б.Н. Путилов предлагает грамотную характеристику репертуара исторических песен терского казачества, специально подчеркивая, что особую популярность в регионе имели песни, непосредственно связанные с историей казаков. В комментариях соответственно даются ссылки на варианты того или иного сюжета, опубликованные в других сборниках; приводятся исторические пояснения; делается акцент на типических схемах, лежащих в основе той или иной песни.

Поднимает исследователь и несколько принципиально значимых для исторической песни в целом проблем и предлагает решения, которые будут более глубоко и масштабно осмыслены в его поздних работах. Так, в самом начале статьи дается определение исторических песен, в котором четко заявлено, что этот жанр сочетает в себе эпическое и лирическое начала: «Исторические песни в жанровом отношении можно определить как песни эпические и лиро-эпические, восходящие по содержанию к конкретным историческим событиям и имеющие свои герои определенными лицами. Такие песни следует отличать от некоторых песен былевых, балладных и лирических, связанных с историей лишь внешним образом» [Там же: 7].

Останавливается фольклорист и на разграничении былин и исторических песен. Напомним, что дореволюционная наука очень долго не разделяла эти два жанра. Для Б.Н. Путилова основополагающим явился тезис о разном способе отображения действительности былинной и исторической песней. «В эпосе, — пишет исследователь, — история предстает не в своем действительном виде, но как бы в формах идеальных. В исторической песне история выступает уже как реальность, вполне конкретная и осознанная народом. Главным определяющим моментом в исторической песне является стремление к осмыс-

лению живого исторического процесса, к уяснению смысла и значения происходивших событий, к оценке участвовавших в этих событиях общественных сил и отдельных лиц» [Там же: 7]. Фольклорист разграничивает былинную и историческую песню по оппозициям «эпический жанр»/жанр, насыщенный лиризмом; «фантастичность»/«особый реализм»; связь «со стадияльно более ранними эпическими формами фольклора»/отсутствие следов подобной связи.

Далее звучит еще один принципиально важный для Б.Н. Путилова тезис: «В целом жанр исторических песен не вырастает из эпоса, но в процессе своего становления и развития использует его традиции, применяя его отдельные художественные элементы для решения новых творческих задач и подвергая их переработке» [Там же: 8]. Предлагаются в статье и комментарии и указания на некоторые схемы и мотивы, заимствованные исторической песней от былин (например, мотив пира) или созданные самой исторической песней и повторенные ею во множестве сюжетов разного времени (мотив казачьего круга, на котором герой держит речь; мотив с описанием армии, уходящей в поход, и др.). Слово «типология» в книге еще не звучит, но, по сути дела, исследователь делает первый шаг в разработке историко-типологического направления в фольклористике¹.

Как следует из предисловия к изданию 1948 г., у Б.Н. Путилова в те годы существовали масштабные планы по дальнейшей работе. Он хотел издать сборник похоронных причитаний, свадебного обряда и поэзии терских казаков, казачьей военной бытовой лирики, частушек, сказок. Намечался также сборник советского фольклора. Однако, как это часто бывает, планам не суждено было воплотиться в реальность.

Как же были встречены советской фольклористикой два фольклорных сборника, изданных сразу же по окончании войны в провинциальном Грозном, в котором до этого фольклористическая мысль практически полностью отсутствовала? К сожалению, приходится констатировать, что московские фольклористы не увидели в «Песнях гребенских казаков» и в «Исторических песнях на Тереке» и в молодом ученом, подготовившем издания, того огромного научного потенциала, который мог развернуться (и развернулся) в будущем.

В рецензии Э.В. Померанцевой на сборник 1946 г., опубликованной во втором номере журнала «Советская этнография» за

¹ См. позднейшие работы Б.Н. Путилова: Славянская историческая баллада. М.; Л., 1965; Русский и южнославянский героический эпос: Сравнительно-типологическое исследование. М., 1971; Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л., 1976 и др.

1947 г., при всей справедливости многих замечаний критическое начало явно предвзято преобладало над позитивной оценкой. Так, по поводу расположения материала по исполнителям (весьма спорный принцип) фольклористка пишет: «Казалось бы, что, таким образом, сборник выдвигает проблему изучения индивидуального творчества песенников, т.е. проблему, широко и досконально разработанную по отношению к былинам и сказкам и лишь намеченную в области изучения песни. Однако на самом деле этого нет. Тексты, правда, сгруппированы по исполнителям, но на этом дело кончается. Никаких наблюдений над творчеством и исполнительской манерой певцов не сделано, биографических данных о них не приведено, не дано никаких сведений о их репертуаре в целом. В достаточной степени поверхностные характеристики М.К. Павловой и Н.М. Литвина, данные во вступительной статье, и брошенные там же беглые замечания относительно еще трех песенниц не меняют дела» [Гофман-Померанцева 1947: 249]. Называя вступительную статью к сборнику «большой и серьезной», далее Э.В. Померанцева сосредоточивается на неубедительности классификации лирических песен, на просчетах в анализе поэтики, на неровностях в составлении комментариев и т.д. Правда, общий вывод благоприятен для автора: его труд — «серьезная попытка исследовательского подхода к публикуемому материалу» [Там же: 251]¹.

Отзыв В.К. Соколовой на сборник «Исторические песни на Тереке» был еще более суровым. Рецензия была опубликована в первом номере «Советской этнографии» за 1949 г., т.е. в самый разгар антикомпаративистской кампании в области гуманитарных наук. Замечания, высказанные В.К. Соколовой, насквозь пронизаны идеологическими посылами. Так, один из главных упреков в адрес Б.Н. Путилова сводится к следующему: он ограничил материал исторических песен первой половиной XIX в., обосновывая это тем, что в дальнейшем песня развивалась не как историческая, а как солдатская. В данном тезисе, по мнению В.К. Соколовой, составитель «идет от неизжитых еще установок дворянских и буржуазных фольклористов» [Соколова 1949: 237], старавшихся замолчать острое социальное начало в солдатских исторических песнях.

В путиловском определении многих песен как «исторических песен лирического характера» рецензент усмотрела влияние

¹ Ср. рецензии Н.И. Штанько, опубликованные в грозненских изданиях (см.: Штанько Н.И. Книжная полка краеведа: Песни гребенских казаков // Изв. Грознен. обл. ин-та и Музея краеведения. Грозный, 1948. Вып.1. С.137–143; Грозненский рабочий. 1946. 6 апр., № 69). Отзывы полностью положительные. Рецензент поддерживает и принцип расположения материала, и подачу песенного текста с повторяющимися гласными. Серьезное замечание касается только отсутствия в издании указателей (исполнителей, сюжетов, жанров и т.д.).

А.Н. Веселовского, имя которого стало в этот период одиозным для власть предержащих. И хотя Б.Н. Путилов в своем труде имя А.Н. Веселовского не упоминает ни в каких контекстах, рецензент, увлеченный антикомпаративистской кампанией, посчитал необходимым в работах молодого автора увидеть отголоски очередного «буржуазного учения». «Уже в самом начале статьи, где дается определение исторических песен, — пишет В.К. Соколова, — мы встречаемся с идущим от Веселовского понятием некоего „лиро-эпического жанра“, который, как видно из комментариев, тов. Путилов считает первоначальным образцом исторической песни» [Там же: 238]. Тезис А.Н. Веселовского о лиро-эпической песне (кантилене), лежащей в основе эпоса, Б.Н. Путиловым нигде не развивается. Но для рецензента, по всей вероятности, важно было в очередной раз указать на опасность «буржуазных влияний». Заключается рецензия пассажем, который звучит почти как приговор: «Все это свидетельствует о том, что борьба с враждебными марксизму-ленинизму течениями в фольклористике еще не закончена и не может быть ослаблена, отдельные положения разоблаченной школы Веселовского еще не изжиты и дают себя чувствовать даже в работах молодых советских фольклористов, стоящих в основном на верных позициях» [Там же].

Такова была реакция столичных фольклористов на грозненские издания Б.Н. Путилова. Совсем иначе первые статьи и сборники ученого были приняты пушкинодомскими фольклористами. М.К. Азадовский, стоявший в это время во главе сектора народно-поэтического творчества Института литературы АН СССР, 20 октября 1948 г., во время защиты Б.Н. Путиловым кандидатской диссертации, свою речь как оппонент начал с рассказа о первом знакомстве с диссертантом: «Позвольте мне начать с маленького личного момента, с воспоминания. Вскоре после того как из разных мест страны стали собираться члены нашего сектора [имеется в виду возвращение из эвакуации. — *Т.И.*], основной и волнующей темой наших бесед был вопрос о кадрах. Мы подводили итоги наших потерь, которые понесла наша наука, с грустью говорили, что не видно плодотворных работ, серьезных работников, глубоко ставящих вопросы. И вот в это время как-то среди груды писем к нам в сектор пришло письмо от, видимо, молодого собирателя, который делился своими замыслами, планами, просил советов, выдвигал ряд сомнений, и вместе с этим письмом был приложен ряд газетных номеров с песнями [вероятно, это названные выше публикации из газеты «Грозненский рабочий». — *Т.И.*]. Имя его ничего не говорило, но мы все отметили, где-то в одной из частей страны работает совершенно одиноко какой-то чело-

век, заслуживающий серьезного внимания. Вскоре мы имели возможность познакомиться и с самим автором этих писем»¹.

Сам Б.Н. Путилов, рассказав в своей автобиографии об издании сборника 1946 г., далее писал: «С этой книгой зимой 1946 г. я поехал в Ленинград, в Пушкинский дом. Сектором фольклора тогда руководил проф. Марк Константинович Азадовский, признанный глава советской фольклористики. Он принял меня с исключительным вниманием, поддержал, ободрил, дал массу советов».

В хронике работы кафедры литературы Грозненского пединститута, опубликованной в «Ученых записках», сообщалось, что в декабре 1946 г. Б.Н. Путилов побывал в Ленинграде и выступил в Пушкинском доме с докладом «Место гребенского песенного фольклора в общерусском народном творчестве». Доклад вызвал оживленные прения, в которых приняли участие М.К. Азадовский, А.М. Астахова и другие ученые. Тогда же вместе с докладом обсуждался первый сборник Б.Н. Путилова. В хронике говорится: «Выступавшие отметили несомненную общую культуру сборника, высокое качество публикуемых текстов, содержательность комментария и глубину вступительной статьи» [Хроника 1947: 206]. Впрочем, пушкинодомцы высказали и критические замечания: необоснованность подачи текста протяжных песен с повтором гласных; построение сборника по исполнителям. Тогда, в 1946 г., как свидетельствует хроника, Б.Н. Путилов не согласился с замечаниями и горячо отстаивал названные принципы издания.

В 1946–1948 гг. Б.Н. Путилов работал над кандидатской диссертацией. Консультации ему давала А.М. Астахова. Тему своего исследования Б.Н. Путилов определил как «Исторические песни XVI–XIX вв. на Тереке». Работа, хранящаяся в архиве Б.Н. Путилова, состоит из пяти глав: 1) Историческая песня как жанр (основные проблемы); 2) Собираение и изучение исторической песни на Тереке; 3) Исторические песни XVI–XIX вв. на Тереке. Обзор материала и проблематика; 4) Вопросы стиля казачьей исторической песни; 5) Судьба жанра исторических песен XVI–XIX вв. на Тереке.

20 октября 1948 г., как уже было сказано выше, в Пушкинском доме состоялась защита диссертации. Оппонентами выступили М.К. Азадовский и младший научный сотрудник сектора народно-поэтического творчества Института литературы, кандидат филологических наук Александра Николаевна Лозанова. Официальный отзыв М.К. Азадовского, отложившийся в

¹ Цитирую по рукописи протокола заседания Ученого Совета Института литературы, хранящейся в архиве ученого.

фонде Б.Н. Путилова, начинается следующей высокой оценкой труда: «Работа Б.Н. Путилова представляет собою крупное фольклористическое исследование, далеко выходящее — и по объему <...>, и по значению — за пределы обычного типа кандидатских диссертаций; это труд большого масштаба, заполняющий весьма ощутимый пробел в нашей науке, ставящий и разрешающий ряд кардинальных общетеоретических проблем. Несмотря на то, что исследование Б.Н. Путилова посвящено местной теме, значение его ни в коем случае не может быть ограничено локальными рамками, и оно должно рассматриваться наряду с трудами, посвященными проблеме русской исторической песни в целом». Протокол устного выступления М.К. Азадовского на защите фиксирует еще один хвалебный пассаж: «Этот труд значительно выделяется среди обычных работ типа кандидатской диссертации. Он выделяется своей широтой размаха, глубиной постановки многих вопросов, начиненных эрудицией автора и большим исследовательским остроумием. Что особенно хотелось бы мне отметить — это, если позволено будет мне сказать — филологическая безупречность и филологическая тщательность этой работы. Она, прежде всего, необычно тщательная в смысле эрудиции. Я, по крайней мере, не знаю ни одной какой-нибудь работы, посвященной исторической песне, которая автору осталась бы неизвестной».

Подобная оценка диссертации Б.Н. Путилова была абсолютно справедливой. Локальный материал терской исторической песни, с которым исследователь был знаком библиографически безупречно, позволил автору поставить целый ряд крупных проблем, связанных с этим жанром: соотношение в исторической песне эпического и лирического начал; развитие жанра от времен средневековья до XIX в.; взаимоотношения былин и исторических песен; стилевые особенности песен и пр. М.К. Азадовский в своем отзыве о диссертации отмечал: «Это одна из немногих работ, в которой вопросы поэтики поднимаются как выражение определенной формы народного сознания и в этом плане указывается различие былин и исторических песен. Именно понимая поэтику как выражение народного сознания, он различает два различных выражения пространства и времени. Работа Бориса Николаевича в этом плане идет в том же русле, что и у Игоря Петровича Еремина, которое знаменует одно стремление понять явление стиля как определенный этап исторического сознания народа».

А.Н. Лозанова, в свою очередь, в своем отзыве о работе Б.Н. Путилова указывала: «Местный репертуар она ставит в общий круг всех материалов по данному виду народного творчества и определяет общую значимость краевого репертуара в соответс-

твующем жанре. Широтой постановки вопросов и серьезностью их анализа работа Б.Н. Путилова выходит далеко за рамки лишь узко краевых изучений; на материалах терской исторической песни в работе ставится и решается целый ряд общих чрезвычайно существенных для современной фольклористики проблем, относящихся к развитию жанра исторической песни в целом и к путям развития народного творчества».

В результате диспута ученый совет Пушкинского дома (председатель — тогдашний директор Института Л.А. Плоткин, члены Совета — члены-корреспонденты АН СССР В.П. Адрианова-Перетц, В.М. Жирмунский, Н.К. Пиксанов, доктора филологических наук М.К. Азадовский, А.М. Астахова, Г.А. Бялый, Г.А. Гуковский, В.А. Десницкий, И.П. Еремин, Б.С. Мейлах, М.О. Скрипиль, А.А. Смирнов, В.С. Спиридонов, Б.В. Томашевский, Б.М. Эйхенбаум и ученый секретарь Института, кандидат филологических наук Б.П. Городецкий) Б.Н.Путилову единогласно (17 голосов) присвоил ученую степень кандидата филологических наук.

Тогда же был поднят вопрос о приглашении молодого ученого в Пушкинский дом. Однако этой инициативе М.К. Азадовского воспрепятствовали исторические события. Защита диссертации, напомним еще раз, проходила в период, когда в стране уже разворачивалась печально знаменитая антикомпаративистская кампания, сломавшая жизнь многим из тех, кто присуждал начинающему фольклористу ученую степень. «Защита моя была последним „мирным“ событием в Пушкинском доме, — писал Б.Н. Путилов в своей автобиографии, — вскоре последовала кампания борьбы с космополитизмом, жертвой которой явился и М.К. <Азадовский>». Б.Н. Путилов остался среди тех ученых, кто не отвернулся от тогдашнего старейшины отечественной фольклористики: «Я наезжал в Ленинград только летом, в отпуск, бывал у М.К., изгнанного из университета и из Пушкинского дома, больного физически, но крепкого духом».

В 1954 г., когда, по словам Б.Н. Путилова, «повеяло оттепелью», он все-таки был приглашен в Пушкинский дом, где вскоре началась работа над четырехтомным академическим изданием исторических песен¹. В Ленинград ученый приехал уже опытным, зрелым фольклористом. Начало пути в науке осталось в Грозненском государственном педагогическом институте. «11 лет работы в нем стали временем профессионального и

¹ См.: Исторические песни XIII–XVI веков / Изд. подгот. Б.Н. Путилов, Б.М. Добровольский. М.; Л., 1960; Исторические песни XVII века / Изд. подгот. О.Б. Алексеева, Б.М. Добровольский, Л.И. Емельянов, В.В. Коргузалов, А.Н. Лозанова, Б.Н. Путилов, Л.М. Шептаев. М.; Л., 1966; Исторические песни XVIII века / Изд. подгот. О.Б. Алексеева и Л.И. Емельянов. Л., 1971; Исторические песни XIX века / Изд. подгот. Л.В. Домановский, О.Б. Алексеева, Э.С. Литвин. Л., 1973.

научного самоопределения», — писал Б.Н. Путилов в автобиографии [Путилов 1998: 8]. Позднее он неоднократно приезжал в город, в котором прошло его отрочество и молодость. Ученый любил Грозный. Близким людям известно, как тяжело в середине 1990-х гг. он переживал события первой чеченской войны, разрушившей город, который сыграл столь большую роль в его становлении как фольклориста.

Библиография

- Гофман-Померанцева Э.В.* [Рец. на кн.: Песни гребенских казаков / Вступ. статья и коммент. Б.Н. Путилова. Грозный, 1946] // Сов. этнография. 1947. № 2. С. 249–251.
- Исторические песни на Тереке / Подгот. текстов, статья и прим. Б.Н. Путилова. Грозный, 1948 (Фольклор терского казачества; Сб. 2).
- Профессора Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена в XX веке: Биографический справочник. СПб., 2000.
- Путилов Б.Н.* Автобиография / Подгот. текста Е.О. Путиловой, А.Н. Анфертьева, Е.А. Белоусовой // Живая старина. 1998. № 4. С. 5–8.
- Путилов Б.Н.* Гребенские казаки и их песни // Грозненский рабочий. 1945а. 18 сент., № 185; 23 сент., № 189; 27 окт., № 213.
- Путилов Б.Н.* К вопросу о составе песенного Разинского цикла (Былина о Соколе-корабле) // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1961а. Т. 6. С. 305–328.
- Путилов Б.Н.* О роли национально-государственного фактора в развитии древней русской литературы // Учен. зап. Грознен. гос. пед. ин-та. Грозный, 1945б. № 1. Вып. 1: Филологическая серия. С. 69–110.
- Путилов Б.Н.* О журналах Чулкова («И то и се» и «Парнасский шепетильник») // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена. Л., 1940. Т. 29: Студенческие работы. С. 87–111. — В оглавлении и при статье ошибочно: В.Н. Путилов.
- Путилов Б.Н.* Основные задачи собирания и изучения фольклора Грозненской области // Изв. Грознен. обл. ин-та и Музея краеведения. Грозный, 1948. Вып. 1. С. 63–88.
- Путилов Б.Н.* Песни гребенского казачества // Учен. зап. Грознен. гос. пед. ин-та. Грозный, 1946. № 2. Вып. 2: Филологическая серия. С. 5–26.
- Путилов Б.Н.* Русская былина на Тереке (собрание и изучение терской казачьей поэзии, особенно эпической) // Учен. зап. Грознен. гос. пед. ин-та. Грозный, 1947. № 3. Вып. 3: Филологическая серия. С. 5–46.
- Путилов Б.Н.* Текстологические заметки к песням Разинского цикла // Русская народная поэзия: Фольклористические заметки. Горький, 1961б. Вып. 1. С. 94–115.

- Песни гребенских казаков / Публ. текстов, вступ. статья и коммент. Б.Н. Путилова. Грозный, 1946 (Фольклор терского казачества; Сб. 1).
- Соколова В.К.* [Рец. на кн.: Исторические песни на Тереке / Подгот. текста, статья и коммент. Б.Н. Путилова. Грозный, 1948] // Сов. этнография. 1949. № 1. С. 236–238.
- Хроника работы кафедр // Учен. зап. Грознен. гос. пед. ин-та. Грозный, 1947. № 3. Вып. 3: Филологическая серия. С. 205–206.
- Энциклопедия военных и морских наук / Под ред. Г.А. Леера. СПб., 1893. Т. 6.